

Самолет без нее

Michel Bussi

Un avion sans elle

Мишель Бюсси

Самолет без нее

Перевод с французского
Елены Головиной



phantom press

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
Б98

MICHEL BUSSI, UN AVION SANS ELLE

Copyright © Presses de la Cité, un département de Place des éditeurs, 2012

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

Перевод с французского Елены Головиной
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки Елены Сергеевой

Мишель Бюсси

Б98 Самолет без нее: Роман / Пер. с фр. Е. Головиной. — М.: Фантом Пресс, 2022. — 560 с.

Один из самых известных романов мэтра детективного жанра во Франции. Лиза-Роза или Эмили? Как зовут трехмесячную малышку, единственную, кто выжил после падения самолета, совершавшего рейс по маршруту Стамбул — Париж? Две семьи, одна богатая, а другая нет, оспаривают друг у друга спасшуюся девочку... Спустя восемнадцать лет частный сыщик утверждает, что распутал эту давнюю историю, но вскоре его находят мертвым. Однако осталась тетрадь, куда детектив записывал детали своего расследования. Сюжет, больше похожий на детективную гонку, движется из Парижа в Альпы, с горных склонов в Стамбул и обратно — до тех пор, пока наконец не спадут маски. Разворачивающаяся драма — дело случая или в этой пьесе с самого начала кто-то манипулировал всеми персонажами?

ISBN 978-5-86471-911-4

© Елена Головина, перевод, 2014, 2022
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

*Памяти Клода Симона,
отца моего друга Паскаля*

23 декабря 1980
00:33

Аэробус, совершавший рейс 5403 Стамбул — Париж, угодил в воздушную яму. За каких-то десять секунд он почти отвесно ухнул вниз почти на тысячу метров, но там сумел выровняться. Большинство пассажиров спали. Пробуждение их было мгновенным — с отвратительным ощущением человека, задремавшего на ярмарочной карусели.

Хрупкий сон Изели прервали не содрогания самолета, а крики пассажиров. К турбулентности и воздушным ямам она привыкла, недаром уже три года работала стюардессой на международных рейсах «Турецких авиалиний». У нее был перерыв. Но поспать ей удалось минут двадцать. Открыв глаза, она увидела Мелиху — опытную бортпроводницу, с которой летала в одной смене. Та нависала над ней, склонившись к самому вырезу узкого форменного пиджака Изели.

— Изель! Изель! Проснись! Тут такое... Мы в снежную бурю попали. Командир говорит, видимость нулевая. Займешься своими пассажирами?

Изель мгновенно нацепила маску невозмутимости — бывалому асу негоже паниковать из-за таких пустяков. Она встала, одернула пиджак, подтянула юбку, секунду смотрела на свое отражение в экране выключенного монитора — ну просто турецкая куколка! — и двинулась направо, в свой отсек.

Очнувшиеся пассажиры больше не кричали, просто сидели и тарасились на нее — не столько испуганно, сколько удивленно. Самолет продолжал трястись. Изель шла по проходу, стараясь улыбнуться каждому:

— Все в полном порядке. Причин для беспокойства нет. Просто попали в небольшую снежную бурю над горами Юра. Меньше чем через час будем в Париже.

Она вовсе не вымучивала улыбку. В мыслях она уже была в Париже. Они задержатся в городе на три дня, до самого Рождества. Целых три дня во французской столице! Три дня полной свободы! Изель радовалась как девчонка.

Обходя пассажиров, она задержалась возле мальчика лет десяти, вцепившегося в бабушкину руку; молодого клерка в мятой сорочке (она была бы не прочь столкнуться с ним где-нибудь на Елисейских Полях); возле турчанки в съехавшей на глаза чадре; нахохлившегося старика, зажавшего между коленями ладони и умоляюще смотревшего на нее...

— Все в порядке. Волноваться не о чем.

Изель спокойно шла по проходу, когда аэробус снова резко накренился. Послышались крики. Молодой парень в правом ряду с аудиоплеером в руках дурашливо воскликнул:

— Выполняем мертвую петлю?

В ответ раздалась робкие смешки, но их мгновенно перекрыл громкий плач младенца. Ребенок лежал в переноске прямо перед Изель, в паре метров впереди. Она пригляделась: совсем кроха, месяца два-три, не больше. Девочка. В белом платьице в оранжевый цветочек и вязаной шерстяной кофточке.

— Нет, мадам! — решительно произнесла Изель. — Нельзя!

Мать малышки уже расстегивала ремень безопасности, собираясь взять ребенка на руки.

— Прошу вас, мадам! — твердо сказала Изель. — Вы должны оставаться пристегнутой. Это требование безопасности. Это...

Мать ничего не ответила, даже не повернулась в ее сторону. Склонилась над люлькой, длинные волосы свесились, закрыв ей лицо. Младенец завопил громче.

Изель немного растерялась, но шагнула вперед.

Самолет ухнул в очередную воздушную яму. Целых три секунды свободного падения. Наверное, еще сотня метров.

Кто-то из пассажиров коротко вскрикнул, остальные молчали. Словно онемели. Они уже поняли, что шараханья самолета нельзя объяснить порывами ветра. От толчка Изель повалилась вбок, локтем въехав в парня с плеером, от чего у того перехватило дыхание. Даже не извинившись, она быстро выпрямилась. Маленькая девочка заходила в крике. Мать уже расстегивала ремень безопасности на детском креслице...

— Нет, мадам! Говорю вам...

Изель выругалась про себя — колготки поехали. Машинально одернула юбку. Вот ведь невезуха. Да уж, если кто и заслужил три дня и две ночи развлечений в Париже, так это она.

Дальше все происходило стремительно.

На миг Изели почудилось, что плачу младенца вторит другой плач, откуда-то слева, дальше по проходу. Серого нейлона ее колготок коснулись трясущиеся пальцы парня с плеером. Пожилой турок одной рукой обнимал за плечи свою жену в чадре, вторую проситель-но тянул к Изели. Мать, наконец справившаяся с ремнем на детском кресле, собиралась взять плачущего ребенка.

Это были последние картины, что увидела стюардесса, перед тем как аэробус врезался в гору.

От удара Изель швырнуло метров на десять вперед, к аварийному люку. Ее красивые, затянутые в серый нейлон ноги переломились, словно у пластмассовой куклы, надоевшей малолетней садистке-хозяйке; хрупкую грудную клетку расплющило о металл; угол дверцы врезался в левый висок.

Изель умерла мгновенно. В этом ей повезло.

Она не видела, как погасло освещение в салоне. Не видела, как самолет, сминаясь, словно банка из-под кока-колы, падает на склон, ошетилившийся деревьями, круша их и теряя скорость.

Когда лайнер наконец замер, она не ощутила запаха керосина. Не испытала рвущей тело боли, доставшейся на долю двадцати трех пассажиров, сидевших в передней части аэробуса и принявших на себя сокрушительный удар.

Она не закричала от ужаса, когда загорелся салон, ставший ловушкой для оставшихся в живых ста сорока пяти человек.

Восемнадцать лет спустя

1

29 сентября 1998

23:40

Теперь вы знаете всё.

Кредюль Гран-Дюк поднял перо и невидяще уставился на огромный виварий. Несколько секунд он смотрел на отчаянные метанья арлекина — стрекозы, за которую три недели назад заплатил две с половиной тысячи франков. Редкий вид. Одна из самых крупных в мире стрекоз, точная копия своих доисторических предков. Арлекин, длинным телом выделявшийся из десятков судорожно копошащихся сокамерниц, перелетал от стенки к стенке, снова и снова безнадежно тычась в стекло. Тюрьма. Ловушка.

Они чувствовали, что скоро умрут.

Перо вернулось к листу бумаги. Кредюль Гран-Дюк нервно дернул рукой.

Я собрал в этой тетради все улики, все следы, все версии. Восемнадцать лет расследований. Все здесь, на этой сотне страниц. Если вы читали их внимательно, то сейчас знаете столько же, сколько известно мне. Возможно, вы окажетесь проницательней? Возможно, поймаете нить, которую я упустил? Найдете ключ к разгадке? Если он вообще существует... Возможно, возможно...

Почему бы и нет?

Но для меня все кончено.

Перо задрожало и замерло, зависнув в нескольких миллиметрах от тетрадного листа. Голубые глаза Кредюля Гран-Дюка снова скользнули по стеклянной стенке вивария, метнулись к камину, в котором языки пламени пожирали сваленные грудой газеты, документы и картонные папки, и вернулись к столу. К строкам в тетради.

Было бы преувеличением сказать, что я не испытываю ни сожалений, ни угрызений совести. Но я сделал все, что мог.

Кредюль Гран-Дюк долго всматривался в последнюю написанную строчку, а затем медленно закрыл светло-зеленую тетрадь.

Я сделал все, что мог, повторил он про себя и остался доволен этим заключением.

23:43

Он поставил ручку в стакан, достал из правого ящика стола пачку желтых стикеров, оторвал один и прикре-

пил к обложке тетради. Рука снова потянулась к стакану с ручками и карандашами. Выбрав маркер, он крупными буквами вывел на листке: *Для Лили*. Оттолкнул от себя тетрадь и встал из-за стола.

Сверкнула медным блеском лежащая на столе табличка: *Кредюль Гран-Дюк. Частный детектив*. Он не сдержал кривой ухмылки. Все давным-давно привыкли называть его Гран-Дюком, забыв о нелепом имени. Все, кроме, может быть, Эмили и Марка Витраль. Да и то это было много лет назад. Когда они были маленькими. Вечность назад.

Гран-Дюк прошел на кухню. Окинул взглядом металлическую раковину, стены, выложенные белой восьмиугольной плиткой, закрытые шкафчики светлого дерева. Идеальный порядок, все вымыто, сияет чистотой; мельчайшие следы протекавшей здесь жизни скрупулезно уничтожены, как в съемном доме, возвращаемом владельцу. Гран-Дюк всегда отличался аккуратностью и педантичностью во всем, до самого последнего пустяка. Он знал за собой эту черту. Много объяснявшую. Практически все.

Он подошел к камину, приложил ладони, ощутил тепло. Наклонился и бросил в огонь еще две картонные папки. И отшатнулся от снопа искр.

Это тупик.

Он потратил тысячи часов, копаясь в деталях этого дела. И все улики, заметки, выводы сейчас обращаются в пепел. Еще пара часов — и от его расследования не останется и следа.

Восемнадцать лет поисков псу под хвост.

Ну не смешно ли?

В пламени камина горела вся его жизнь. Жизнь, единственным свидетелем которой был он сам.

Через 14 минут Лили исполнится восемнадцать лет. Во всяком случае, официально исполнится. Кто же она такая? Он так и не пришел к окончательному выводу. Пятьдесят на пятьдесят. Как и в первый день работы. Орел или решка.

Лиза-Роза или Эмили?

Он потерпел неудачу. Матильда де Карвиль истратила целое состояние. Восемнадцать лет оплачивала его труды. Ради чего?

Гран-Дюк приблизился к письменному столу и налил себе еще бокал желтого вина¹. Пятнадцатилетней выдержки, из особых запасов Моника Женевэ. В конечном итоге, возможно, единственный приятный момент во всем расследовании. Поднося бокал к губам, он улыбнулся. Нет, в Гран-Дюке не было ничего от карикатурного пьянчуги-сыщика. Пил он редко, только если был важный повод, зато в вине разбирался превосходно. И разве день рождения Лили — не достойный повод? Не говоря уж о том, что это последние минуты его жизни.

Детектив одним глотком допил вино.

Пожалуй, это одно из того небольшого, что достойно сожаления, — ни с чем не сравнимый вкус желтого вина, то поразительное ощущение, что оно производит, обжигая своей восхитительной терпкостью и заставляя на миг забыть о наваждении, освободиться от мучительных раздумий над тайной, разгадке которой он посвятил жизнь.

Гран-Дюк поставил бокал на стол и потянулся за светло-зеленой тетрадью, и желая, и не решаясь напо-

¹ Желтые вина производятся во французском департаменте Юра и являются визитной карточкой региона. — *Здесь и далее примеч. перев.*

следок открыть ее. Уставился на желтый квадратик с надписью «Для Лили».

После него останется эта тетрадь, эта сотня страниц, написанных в последние дни. Пусть они ее прочитают — и Лили, и Марк, и Матильда де Карвиль, и Николь Витраль, и полиция, и адвокаты, и любой другой, кому захочется с головой нырнуть в этот омут..

Это будет увлекательное чтение, вне всякого сомнения. Подлинный шедевр детективного жанра. История, от которой захватывает дух. Всё здесь, в тетради.

Всё. Кроме окончания.

С тем же успехом он мог оставить им детектив с вырванной последней страницей или триллер, в котором последние пять строк стерты.

Жульничество? Конечно.

Но, может быть, его читатели решат, что они умнее его, и, не жалея сил, начнут искать разгадку.

Он ведь поначалу тоже верил в успех. В нем всегда жила уверенность, что доказательство существует, что у этого уравнения есть решение, а он просто что-то упустил. Это было всего лишь смутное ощущение, но оно не желало его покидать. И позволило ему дожить до нынешнего дня, до дня окончательного провала, потому что ровно через десять минут Лили исполнится восемнадцать... Как знать, может быть, иллюзорная вера в успех сидела где-то глубоко в его подсознании, не давая ему опустить руки. Все-таки это было бы слишком жестоко — потратить столько лет на поиски ключа к несуществующей двери...

Я сделал все, что мог. Гран-Дюк перечитал написанные им слова. Ладно, остальное его больше не касается.

Обвел комнату прощальным взглядом. Хотел было выбросить пустую бутылку и вымыть бокал, но передумал,

улыбнувшись сам себе. Полицейских и врачей, которые будут стоять над его телом, вряд ли смутит грязный бокал. Стол красного дерева и навощенный паркет будут забрызганы его кровью и ошметками мозгов. Та еще картина. Если только его исчезновение не будет обнаружено сразу, что само по себе маловероятно (кто его хватится?), соседи забудут тревогу, когда запах станет невыносимым, а это значит, что здесь будет лежать полуразложившийся труп, по которому с мерзким жужжанием ползают жирные мухи.

Лишний довод «за», подумал Гран-Дюк.

Подобрал и бросил в камин отлетевший в сторону картонный квадратик.

Если собрался уходить, уйди красиво.

Гран-Дюк медленно подошел к секретеру красного дерева, стоявшему в углу, напротив камина. Открыл средний ящик, достал из кобуры идеально вычищенный револьвер «матеба», серебристо блеснувший в отсветах пламени. Пошарив рукой в глубине, нащупал три патрона 38-го калибра.

Улыбнулся. Заученным движением откинул барабан и аккуратнo уложил в гнезда патроны.

В принципе, хватит и одного, даже если он не вполне трезв и рука может дрогнуть. Но приставить дуло к виску и нажать на спусковой крючок он как-нибудь сумеет.

Вряд ли промахнется. Несмотря на 620 миллилитров алкоголя в крови.

Положив револьвер на стол, выдвинул левый ящик и достал пожелтевший от времени номер газеты «Эст републикен». Он потратил несколько месяцев, обдумывая, как обставит сцену своего ухода, и разработал целый ритуал, который должен помочь ему разом покончить со всем этим делом и вырваться из проклятого лабиринта.

Языки пламени в камине доедали последние бумажные листки. Детектив скользнул взглядом к виварию, откуда доносился отчаянный стрекот. Он отключил электрическое питание полчаса назад. Без пищи, лишенные кислорода, стрекозы не протянут и недели. А ведь он потратил немислимые деньги на приобретение наиболее редких видов, долгие годы ухаживал за виварием, кормил его обитательниц мелкими насекомыми, следил за ними, спаривал, а уезжая по делам, поручал заботу о них специальной фирме.

Теперь они тоже умрут. Вместе с ним.

Вообще-то говоря, подумал Гран-Дюк, довольно приятно сознавать, что ты волен распоряжаться чужой жизнью: сначала опекаешь человека, а потом приговариваешь его к смерти; сначала даришь надежду, а потом приносишь в жертву. Играешь с чужими судьбами, словно лукавое и непредсказуемое божество... Но разве он сам — не жертва столь же беспощадного божества?..

Кредюль Гран-Дюк сел за стол и машинально отодвинул подальше светло-зеленую тетрадь, словно боялся, что на нее попадут брызги крови.

Развернул «Эст републикен». Номер от 23 декабря 1980 года. В который раз прочитал заголовок на первой полосе: «Чудесное спасение в Мон-Террибль».

Огромные буквы занимали большую часть газетной полосы. Под ними помещалась не слишком четкая фотография: искореженный остов самолета, вырванные с корнем деревья, истоптанный спасателями снег. Ниже шел короткий текст с описанием случившейся катастрофы.

В ночь с 22 на 23 декабря 1980 года на склонах Мон-Террибль, на франко-швейцарской границе, потерпел крушение аэробус 5403 «Стамбул — Париж». 168 из 169 пассажиров и члены экипажа погибли в результате столкновения с землей и вспыхнувшего затем пожара. Чудом спасся лишь трехмесячный ребенок, которого выбросило наружу до того, как самолет охватил огонь.

Гран-Дюк поднял глаза. Вот так он и умрет. Чуть наклонится вперед и пустит пулю себе в висок. Голова упадет на раскрытый газетный лист. Его кровь зальет страшный снимок, смешавшись с кровью ста шестидесяти восьми погибших. Его найдут через несколько дней или недель. Жалеть о нем некому. Не Карвилям же? Разве что Витрали, может быть, немного огорчатся. Эмили, Марк... Но больше всех — Николь.

Жестокая ирония судьбы.

После его смерти тетрадь отдадут Лили. Все правильно, ведь в ней — ее жизнеописание. Его завещание.

Гран-Дюк почти горделиво в последний раз полюбовался на свое отражение в медной табличке. Что ж, это будет хороший конец. Много лучше, чем все остальное.

По крайней мере, ему в этой жизни крупно повезло. Расследование длиной в восемнадцать лет...

23:57

Пора.

Он бережно передвинул газету, чтобы она лежала прямо перед ним. Наклонился над столом, взмокнув ладонь обхватила рукоятку револьвера.

Медленно поднял руку.

Литературно-художественное издание



Мишель Бюсси
САМОЛЕТ БЕЗ НЕЕ

Роман

Перевод ЕЛЕНА ГОЛОВИНА

Редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Художник ЕЛЕНА СЕРГЕЕВА

Корректоры ОЛЬГА АНДРЮХИНА, ОЛЕСЯ ШЕДЕВР

Компьютерная верстка ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Главный редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Директор издательства АЛЛА ШТЕЙНМАН

Подписано в печать 02.08.22 г. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 35,0. Заказ № 2206770.
Тираж 4000 экз. Гарнитура типа «Таймс».

Издательство «Фантом Пресс»:

Лицензия на издательскую деятельность код 221
серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700.

Тел.: (495) 787-34-63

Электронная почта: phantom@phantom-press.ru

Сайт: www.phantom-press.ru



Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495) 787-36-41

ISBN 978-5-86471-911-4



9 785864 719114 >